

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Семенов В.А. — Методика анализа процесса принятия решений в политической системе по методу УАКР // Право и политика. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.8.43823 EDN: XYWCXN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43823

Методика анализа процесса принятия решений в политической системе по методу УАКР

Семенов Виталий Андреевич

ORCID: 0000-0002-5222-2196

кандидат философских наук

Доцент кафедры Международных отношений, медиалогии, политологии, и истории (МОМПИ), Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет

191023, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21, ауд. 271

✉ semenov3786@mail.ru

[Статья из рубрики "Правовая и политическая мысль"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.8.43823

EDN:

XYWCXN

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2023

Дата публикации:

25-09-2023

Аннотация: В рамках данной статьи представлен метод анализа процесса принятия решений в политической системе. Предмет исследования представлен ядром принятия политических решений, являющимся одной из подсистем политической системы. Объектом исследования выступает политическая система общества. В процессе исследования рассматривается как взаимодействие ядра принятия политических решений с остальными подсистемами политической системы в рамках коротких и длинных политических циклов, так и проводится анализ этапов процесса принятия политического решения. При этом в рамках данной работы сама политическая система представлена в контексте синергетической парадигмы, как открытая динамическая система, включенная в контур общественных процессов. Новизна исследования заключается в разработке метода УАКР (условия-акторы-конкуренция-реализация), используемого для анализа ядра принятия политических решений. В процессе

исследования также проводится ревизия внутреннего содержания политической системы по модели Г. Алмонда, в частности, было проведено обособление такого элемента, как ядро принятия политических решений, а также проведено перераспределение функционала между остальными подсистемами с опорой на принцип абстрактного функционализма Т. Парсонса. Также следует отметить, что научная новизна выражена в разработке более четкой и детализированной модели политической системы, а также выработке на ее основе системы индикаторов.

Ключевые слова:

Политическая система, процесс принятия решений, открытые динамические системы, метод детерминационных цепочек, политические режимы, структура политического вектора, метод железных треугольников, метод коррупционного кома, метод Y-баланса, синергетика

1. Введение

1.1. Актуальность научной проблемы

В процессе проведения прикладных страноведческих исследований, например, направленных на подготовку материалов для разработки стратегий развития международного сотрудничества, часто встает проблема методологии оценки политической системы рассматриваемой страны. При этом специфика подобных исследований часто носит междисциплинарный характер, а заказчик нацелен на получение результата, плохо вписывающегося в привычные границы академической структуры научного знания, и более того, формируя структуру результата исследования под себя и свои практические потребности. Одним из частых вариантов предполагаемого результата исследовательского процесса является создание ведомственных баз данных и страновых справок, перекрывающих достаточно широкий спектр вопросов. Также стоит обозначить, что мы рассматриваем в качестве потенциальных заказчиков подобных исследований не профильные структуры, вроде МИДа, имеющего свои узкоспециализированные мозговые центры, а несколько далекие от «высокой международной политики» департаменты международного сотрудничества министерств иного профиля, а также заинтересованных бизнес-структур. К сожалению, накопленный различными общественными науками багаж фундаментальных знаний и имеющаяся методология плохо подходят для решения целого ряда задач, которые заказчик может поставить перед исследователем. Более того, привычные в рамках академической науки исследовательские треки могут не вписаться в организационные моменты исследовательского процесса и быть не эффективны с точки зрения расходования исследовательского ресурса, или даже не соответствовать профессиональным способностям части привлеченных исследователей (например, из-за организационной или технической невозможности наладить узкоспециализированное разделение труда). Как результат, мы сталкиваемся с проблемой методологического «провисания» целого ряда подразделов в базах данных и страновых справках: их либо приходится отдавать на откуп разношерстной массе исследователей с разной специализацией, либо представлять в виде примитивного набора легко заполняемых индикаторов, практическая полезность которого для заказчика минимальна. Одним из подобных подразделов выступает анализ политической системы, и именно разработке методологии его проведения и будет посвящена данная статья. Также следует акцентировать внимание на том аспекте, что политическая система интересует обозначенных нами выше

потенциальных заказчиков в ракурсе вопросов государственного управления. Собственно, само международное сотрудничество на уровне департаментов по международному сотрудничеству непрофильных министерств во многом ориентировано на процессы сращивания своей собственной и иных систем государственного управления по кейсу/вектору этого сотрудничества. И первый вопрос, который вынужден решать предполагаемый заказчик – с кем именно стоит развивать это сотрудничество? И, в частности, насколько сложно будет «протолкнуть» решение о сотрудничестве через политическую систему «на той стороне»? Такая постановка вопроса актуализирует рассмотрение политической системы с позиции коротких политических циклов (что опять же, в большей степени относит нас именно к сфере государственного управления, чем к чистой политологии или международным отношениям). При этом необходимо учитывать, что формальные моменты, в том числе и по правовой тематике, в самих справках и базах данных обычно представлены отдельными блоками (конституционный блок, форма правления, структура территориального устройства, членство в международных правительственных организациях, институциональная структура государственного управления, краткий обзор нормативной базы рекрутинга на ключевые позиции в органах исполнительной и законодательной власти, поверхностный биографический анализ официальных ЛПР (лиц, принимающих решение), разнообразная узкоспециализированная аналитика по нормативно-правовым актам. Однако все вышеперечисленные компоненты представлены обособленно, и не дают общей картины процессов принятия решений, и не учитывают неформальные моменты. Более того, объем материала, и структура представления информации сами по себе являются проблемой для формирования четкой картины работы политической системы в ракурсе процессов принятия решений. Отсутствие подходящей под эти задачи методологии и адаптированных моделей и обуславливает фактор научной новизны и актуальности данного исследования.

1.2. Цель исследования

Цель данного исследования состоит в разработке метода анализа политической системы, который бы позволил дать оценку специфических особенностей процесса принятия решения в этой системе. Метод должен отвечать критерию масштабируемости, то есть, обеспечить гибкость структуры индикаторов, что позволит дать как поверхностную оценку для страновых баз или справок, так и возможность наращивания детализации (посредством добавления новых индикаторов) для решения более конкретных научных проблем. Таким образом, мы можем выделить три ключевые научные задачи: во-первых, ревизия существующих теоретических моделей политической системы и их адаптация под заявленные критерии, во-вторых, разработка метода анализа процесса принятия политических решений на базе теоретической модели политической системы (Метод УАКР), и в-третьих, выделение системы индикаторов по методу УАКР для оценки особенностей процесса принятия политических решений. Для реализации основных задач в рамках исследования также необходимо решить ряд побочных: более детально описать позиционирование исследователя-практика и фактор заказчика, провести разбор устоявшихся подходов по анализу политической системы, и привести несколько примеров использования метода УАКР на практическом материале.

1.3. Объект и предмет исследования

Следует отметить, что, хотя исходной точкой (практической проблемой) стало проведение страноведческих исследований, организуемых заказчиками, работающими в сфере организации международного сотрудничества, объектно-предметная область данного исследования находится в стороне от международных отношений, и лежит в в

дисциплинарных областях политологии и государственного управления.

Предмет исследования представлен ядром принятия политических решений, являющимся одной из подсистем политической системы. Объектом исследования выступает политическая система общества.

В рамках исследования рассматривается влияние состояния политической системы по методу УАКР на процесс принятия политических решений в рамках малого политического цикла. Процессы среднего и большого политических циклов в ракурсе исследования рассматриваются, как фактор условий внутри политической системы.

1.4. Методология исследования

Во-первых, для построения моделей политической системы и ядра принятия политических решений мы опирались на синергетическую парадигму и метод циркуляционных контуров [\[1, с. 46-57\]](#).

Во-вторых, нами был использован принцип абстрактного функционализма Т. Парсонса [\[2, с. 14\]](#) для решения проблемы «парадокса Штомпки» [\[3, с. 213\]](#) (невозможность построения статичных моделей динамических систем и процессов) – то есть, выделение не конкретных институциональных элементов, а функциональных ниш.

В-третьих, при разработке метода УАКР нами использовался метод детерминационной цепи.

Отправной точкой для разработки, используемой в данном исследовании модели политической системы, стали модели Д. Истона [\[4, с. 630-642\]](#) и Г. Алмонда [\[5, с. 74-88\]](#).

2. Позиционирование исследователя-практика

2.1. Специфика организации прикладных исследований в России

Самым простым «стартовым» решением со стороны заказчика является попытка привлечения уже существующих материалов, справок, и рейтингов. Однако следует отметить, что, хотя современные политические науки накопили достаточно обширный багаж знаний о функционировании политической сферы, прикладная методология все же развита недостаточно, если сравнивать, к примеру, с экономическими науками. Отчасти это связано с меньшим объёмом доступных для разработки актуальных исследовательских проблем и, соответственно, меньшим рынком заказов на прикладные исследования, а с другой стороны, большим разнообразием кейсов и меньшим количеством типовых случаев, что существенно снижает эффективность использования статистических методов относительно тех же экономических наук. В результате нам доступны либо рейтинговые исследования [\[6\]](#), либо сложные академические проекты, в рамках которых имеется время и интеллектуальный ресурс для комплексного мультипарадигмального исследования [\[7, с. 10-24\]](#), либо экспертные оценки (например, страноведческие справки по политической обстановке, публикуемые мозговыми центрами наподобие Домом Свободы.

Однако для проведения прикладных исследований с участием "экспертов широкого профиля" и в условиях большого объема обрабатываемого материала, дефицита времени, и средств эти варианты не подходят. Здесь также нужно сделать поправку на общее состояние экспертной сферы в России и характер подключения экспертов к системе российского госуправления. Бюрократическая система в России страдает от

феномена «ведомственного феодализма», причем в таком виде наша бюрократическая система начала формироваться еще в советскую эпоху. Таким образом, каждый «ведомственный феод» организует экспертизу «под себя», на своей узкой ресурсной базе и со своими узкими ведомственными интересами. Коллективные межведомственные проекты и формирование ресурсов «общего пользования» является редкостью, а слишком плотное межведомственное взаимодействие не приветствуется, поскольку чревато утечками внутренней информации, способными пошатнуть позиции структуры в межведомственной конкуренции. В итоге характерными чертами российской экспертизы является параллельная работа над одними и теми же темами в условиях достаточно бедной кадровой и ресурсной базы. В свою очередь, бедность кадровой базы, широкий спектр исследовательских задач, и следование принципу формирования контролируемого экспертного коллектива препятствуют соблюдению принципа узкой специализации в рамках реализации исследовательского проекта. А поскольку организационное решение такого рода проблемы представляется невозможным в современных условиях, то отчасти купировать ее можно при помощи методологических разработок, что и стало целью данной статьи.

2.2 Фактор заказчика

Отправной точкой в данном случае служит «фактор заказчика»: корпоративная или госструктура, вынужденная инвестироваться в проведение обширного (по номенклатуре стран) страноведческого исследования. При этом данная структура чаще всего не заинтересована в прямом вмешательстве в политические процессы другой страны (что, конечно же, обосновало бы проведение более глубоких исследований зарубежных политических систем), однако развитие совместных международных проектов сотрудничества и сопряжение систем госуправления диктуют необходимость понимания общей логики местной политической обстановки. Причем следует особо подчеркнуть, что интерес представляет именно логическая схема, а не просто справка по оперативной политической обстановке — это, опять же, связано с характером ограниченного выделения средств на исследовательские проекты. Вполне нормальным (с точки зрения бюрократических структур России) является организация трехгодичных (в среднем) периодов финансирования в формате годичных грантов, причем достаточно часто практикуется логика 20% сокращения выделенных средств на проект с каждой последующей итерацией. После чего данная исследовательская тема считается "закрытой" на срок примерно в 5-10 лет. Таким образом, оперативная информация успеет устареть к тому сроку, когда она может понадобиться, а содержание на постоянной основе экспертных коллективов плохо вписывается в неоконсервативные традиции российского госуправления. Также стоит отметить, что предполагаемый уровень политологической подготовки потенциального потребителя результатов исследования скорее всего будет не высок. Что, в свою очередь, диктует такое условие, как простота и/или масштабируемость разрабатываемого метода. При реализации данного условия полученный в ходе исследования результат будет соответствовать критерию универсализма (относительно всех исследованных страновых кейсов) и обладать достаточной простотой. Опять же, с точки зрения уровня привлеченных экспертов-исполнителей, также существует потребность в простом и понятном методе, отработка которого не потребует существенных временных затрат. Если же говорить о предполагаемых результатах, то типовые техзадания обычно строятся по принципу «чтобы что-то было». То есть, стандартный типовой набор «политического блока» включает в себя: легко добываемую информацию о формальной стороне институциональной архитектуры (форма правления, форма административного устройства, набор конституционных индикаторов), краткую оперативную справку об

основных политических событиях за последние 10 лет, результаты политической борьбы по прошлому и текущему электоральному циклу, биографические справки по ключевым членам правительства, и какое-то количество показателей по политическим индикаторам из внешних рейтинговых исследований. При этом в рамках обозначенного набора какая-либо методика комплексного анализа обычно не используется, данные предоставляются в формате «как есть», а аналитические заметки и комментарии допускаются исключительно в соответствии со структурой технического задания, то есть, сугубо «по месту». Как правило, это происходит из-за «неровного» качества экспертов, в то время, как руководство исследовательских коллективов обычно опасается получения "неровных" результатов, что может привести к завышению требований в процессе приемки, и вызвать недовольство заказчика. Если же говорить о практическом применении результатов исследования, то незакрытым вопросом является общая логика процесса принятия политических решений в рамках конкретной политической системы. Перечисленный набор типовых элементов технического задания не позволяет выявить доминирующие политические вектора, а значит, исходя из представленной информации, достаточно сложно потребителю результатов научного исследования рассчитать чисто политические риски и выделить политические же возможности.

3. Обзор существующих моделей и подходов к описанию процесса принятия политических решений, феномена политической системы, а также явлений режимной динамики и режимного транзита

3.1. Структура обзора

Прежде чем мы сможем приступить к рассмотрению метода УАКР, необходимо дать обзор и оценку уже существующим моделям и подходам в ракурсе тех задач, которые призван решать разработанный нами метод. В рамках обзорной части нами было выделено три вектора. Во-первых, вектор принятия политических решений – обзор существующих методов и подходов позволяет обосновать необходимость разработки нового методологического инструментария. Это вызвано тем, что наиболее известные и распространенные подходы рассматривают процесс принятия решений обособленно и с позиции неудобных для решения обозначенных нами задач парадигмальных ракурсов. Во-вторых, вектор политической системы – обзор существующих методов и подходов обосновывает как выбор в качестве теоретической основы модели Д. Истона [\[4, с. 630-642\]](#) и Г. Алмонда [\[5, с. 74-88\]](#), так и необходимость их ревизии и последующей модификации. В-третьих, вектор политических режимов и режимного транзита. Несмотря на то, что данный вопрос теоретически представлен достаточно обширно, и рассмотрен сквозь призму множества парадигм, большинство ракурсов рассмотрения режимов и режимного транзита плохо адаптированы для их использования при рассмотрении малых политических циклов. Также стоит отметить и характер поставленных задач при рассмотрении разрабатываемого нами метода.

3.2. Обзор существующих моделей и подходов к вопросу принятия политических решений

Существует достаточно большое количество подходов к вопросу принятия политических решений. В целом, их можно свести к нескольким парадигмам: стратегическая парадигма (политические решения принимаются конкретным актором, обладающим субъектностью, в определенных стратегических условиях и с определенными целями), процессорная парадигма (принятие политических решений выступает в виде одного из системных процессов в сложном общественно-политическом механизме) [\[8, с. 146-147\]](#), [\[9, с. 121\]](#), [\[4, с.](#)

[630-642](#)], [\[5, с. 74-88\]](#), дискурсивная парадигма (по сути, перенос концепции «окна Овертона» на процесс принятия политических решений – видимое следование мейнстримному политическому дискурсу для обеспечения притока стабильной общественной поддержки) [\[10\]](#), а также различные варианты их гибридизации [\[11, с. 37-40\]](#). Стратегическая парадигма не вполне подходит под поставленные нами цели, как более узкий инструмент. Главная методологическая проблема данной группы подходов состоит в том, что отправной точкой в их логике выступает конкретный актор или акторы. Даже если мы возьмем подходы в рамках теории игр [\[12, с. 92-108\]](#), основой игровой ситуации все равно выступают акторы и их стратегии в определенных условиях, что не обеспечивает нам необходимый парадигмальный ракурс. Для нас наибольший интерес представляет общая «проходимость» политического импульса, а не стратегическая эффективность функционирования отдельных акторов в политической системе. Тем не менее, подходы стратегической парадигмы можно использовать в рамках метода УАКР для более детального исследования фактора акторов и фактора конкуренции, но как отдельный, подключаемый по мере необходимости, «модульный инструмент». Что же касается дискурсивной парадигмы, то ее применимость носит ситуативный характер: степень зависимости политической системы от господствующих политических дискурсов может различаться, кроме того, дискурсивное поле имеет ограниченную вместимость, и поэтому фактор политической повестки безусловно может возникнуть, но надо учитывать, что дискурс присутствует в информационном поле всего общества, то есть, не непосредственно в политической системе, а в социальном окружении. Как результат, подключение дискурсивных методов возможно, но, как с и методами в рамках стратегической парадигмы – в качестве дополнительного методологического инструментария.

Таким образом, парадигмальной основой данного исследования становится именно процессорная парадигма, обладающая, с одной стороны, достаточной универсальностью, а с другой – огромным потенциалом масштабирования, особенно при использовании в процессе моделирования принципа контура открытой динамической системы из синергетики. Также повысить универсальность позволяет использование принципа абстрактного функционализма.

Что касается конкретных моделей принятия политических решений, то они отличаются определенной узостью, и должны использоваться в комплексе. В рамках индивидуальной модели принятия политических решений даже если мы возьмем мотивационную структуру среднестатистического представителя политической элиты, то мы столкнемся с проблемой многослойности его мотивов: это могут быть «шкурные» интересы, интересы ведомственные, или национальные интересы. При этом если он является публичным политиком, то в его голове также будет существовать еще и «Окно Овертона», то есть, необходимость сохранять свое имиджевое лицо. Ко всему выше перечисленному может добавляться внешний фактор в форме давления со стороны лоббистов, и внутренний фактор, если данный представитель политической элиты является носителем какой-либо идеологии или политического мировоззрения в иной форме. Не стоит также забывать о проблеме соотнесения профессиональной культуры и должностной роли [\[13\]](#). И такая картина существует уже на уровне отдельного политика. В рамках модели ведомственного баланса (бюрократической модели) [\[14, с. 213-214\]](#) политическое решение представляет из себя результат ведомственного компромисса (ну а в рамках законодательной ветви власти – компромисса коалиционного [\[15, с. 173-177\]](#)), основанного на балансе сил. Эта модель будет использоваться нами в рамках метода УАКР для анализа фактора конкуренции. Организационная модель рассматривает процесс

принятия политических решений с позиции формализованных контуров взаимодействия политических институтов (то есть то, как процесс принятия решений представлен в рамках нормативной системы). Гибридная модель К. Эйхена [\[16, pp. 86-120\]](#) по сути объединяет два этих подхода (этап торга, этап реализации), но является достаточно идеализированной и применима исключительно в рамках ведомственной культуры взаимодействия «пространства, построенного на правилах». Также можно выделить различные модели принятия самих решений (модель рационального выбора, модель оппортунистского поведения [\[17\]](#), модель трагедии общин [\[18\]](#), модели мусорного банка и модель бегства от переговоров [\[19, pp. 103-111\]](#)), но они опять-таки относятся либо к акторной, либо к реляционистской парадигме.

Подводя итог, стоит отметить, что процессорная парадигма, представляющая в контексте данного исследования максимальный интерес, в рамках существующих подходов и моделей представлена слабо, и входящие в нее подходы не дают достаточной комплексности и универсальности.

3.3. Обзор существующих моделей и теоретических подходов к описанию феномена политической системы

К сожалению, на сегодняшний день сложно найти фундаментальные исследования, посвященные политическим системам, сопоставимые с работами таких классиков, как Г. Алмонд и Д. Истон. В этом отношении наибольший интерес для нас представляет модель политической системы, разработанная Г. Алмондом [\[5, с. 74-88\]](#) в качестве детализации "Черного ящика" Д. Истона [\[4, с. 630-642\]](#). Это классические фундаментальные разработки на базе моделей, построенных по принципам синергетического контура. Стоит отметить, что и среди отечественных исследователей тренд на внедрение синергетических моделей для анализа процессов, протекающих в политической системе, имел достаточную популярность, особенно в период нулевых годов. Впрочем, также можно вспомнить работы Ю. А. Тихомирова, писавшего про «встраивание» политико-правовых контуров в общие циклы развития общества [\[20, с. 17-18\]](#), В. И. Пантина, попытавшегося соединить смену политических режимов с макропроцессами социально-исторического развития [\[21, с. 13\]](#), циклическую модель развития политической системы А. В. Логинова [\[22, с. 11\]](#). Однако перечисленные отечественные авторы в значительной степени оказываются в ловушке исторических макропроцессов, а синергетическая парадигма используется в большей степени с позиций эволюционизма и циклически-волновых макропроцессов [\[23, с. 44-45\]](#). Впрочем, концентрация внимания на циклических макропроцессах характерна и для отечественных сторонников иных парадигм, исследующих проблематику политических систем: концепция «государственно-центрической матрицы» Е. Н. Мощелкова [\[24, с. 30-35\]](#), социокультурный подход к анализу циклов политической системы В. Г. Шнайдера [\[25, с. 1-3\]](#). Особняком стоит экономико-институциональный подход к анализу политической системы Д. А. Чемшита [\[26, с. 443-450\]](#), однако и он пытается объяснять особенности формирования российской модели политической системы с определенной опорой на историю. Если говорить о зарубежных работах, то в отличие от отечественных исследований стоит отметить больший уклон в практическую плоскость и достаточно узкие вопросы, касающиеся отдельных феноменов и явлений. Однако и работы более фундаментального характера нацелены на раскрытие достаточно узких аспектов: примером может служить теория упреждающих систем К. Войнеа [\[27\]](#), [\[28\]](#), в рамках которой автор, опираясь на классические теории Г. Алмонда и Д. Истона, пытается их дополнить кибернетическим подходом, связывая феномен

политической системы с социокультурными факторами и общественными ожиданиями. Можно также отметить модели сложной социально-политической системы М. Маршалла [29], одного из участников INSCR [6], которая представляет из себя достаточно интересный вариант сочетания функционального и институционального подходов. Однако минусом данной модели для нас является фактор единого социально-политического поля и выделение в рамках модели функциональных полюсов. Разработки М. Маршалла интересны для описания подсистемы входа в политическую систему, однако они слабо подходят для исследования процессов принятия решений. Таким образом, проанализировав ряд работ отечественных и зарубежных исследователей, мы вынуждены констатировать их достаточно ограниченную возможность применения в рамках поставленных в работе задач, что вынуждает нас вернуться к работам классиков исследования политических систем – а именно, к моделям Д. Истона, и Г. Алмонда, каковые и будут использованы в качестве основы для разработки модели процесса принятия решений в рамках функционирования политической системы в формате коротких циклов, а длинные циклы, трансформационные процессы, и макродинамика в рамках поставленных задач будут выступать системным фоном.

3.4. Обзор существующих моделей и подходов к описанию политических режимов и режимного транзита

Одним из ключевых факторов макродинамики в политической системе, определяющих правила игры и принципы формирования политических решений, является характеристика политического режима. Его изменение в ходе процесса транзита по сути перекраивает всю политическую систему, что и обуславливает его значимость. При этом следует отметить широкий спектр подходов к рассмотрению данного феномена. Мы можем выделить несколько парадигмальных ракурсов, обладающих наибольшим весом.

Во-первых, это подходы в рамках институционально-правовой парадигмы. Значительный вклад в развитие этого направления внесла французская школа и французский опыт. Однако стоит отметить, что многие видные французские исследователи были вынуждены идти по пути гибридизации. Хотя институционально-правовая парадигма для М. Дюверже [30], Ж. Л. Кермона [31, p. 12.], или М. Кройзера [32] выступала в качестве фундамента, его методологическая ограниченность побуждала к необходимости дополнять картину формального русла политического процесса методами и подходами политической социологии, выходя в пространство неформализованных отношений. Например, М. Кройзер был вынужден дополнять институционально-правовые подходы, используемые в качестве основы, фактором удовлетворенности общества их работой в условиях снижения объема доступных населению ресурсов, и, тем самым, поднимая вопрос необходимости режимного транзита. Однако даже такие гибридные подходы демонстрируют ограниченность институционально-правового описания политических режимов и их транзита. Институционально-правовая компонента описывает своего рода «русло», внутри которого протекает политический процесс. Но будет ли наполнено это «русло» реальным политическим содержанием, выльется ли это политическое содержание за его пределы, останется ли «русло» пустой декорацией – эти моменты будут находиться вне обзорного ракурса институционально-правовой парадигмы.

Также данная парадигма слабо подходит для описания транзитных процессов. Например, переход от демократического режима к авторитарному может происходить с институциональной точки зрения достаточно скрытно, особенно если политическая элита заинтересована в сохранении «демократических декораций». Безусловно, отдельные институциональные и правовые изменения могут свидетельствовать о векторе транзитных

процессов режима, но достаточно относительно.

Во-вторых, мы можем выделить властную парадигму, которая переносит фокус внимания с процесса принятия политических решений на получение доступа к рычагам политической власти. Примером может служить подход Ф. Шмиттера и Г. О’Доннелла [\[33, p. 73\]](#). При этом данный подход также является гибридным, акцентируя внимание на формальных и неформальных каналах получения политической власти. Однако с точки зрения заявленных нами целей (ориентации на малый политический цикл) практическая полезность такого рода подходов относительна: она имеет отношение не непосредственно к самому процессу принятия решений, а к формированию условий, в которых этот процесс протекает. С позиции режимного транзита властная парадигма позволяет выделить достаточно эффективные внешние индикаторы в виде деформации структуры каналов рекрутинга политической элиты, тем самым облегчая идентификацию режима и факта режимного транзита.

В-третьих, мы можем выделить симптоматическую парадигму выделения политических режимов, характерную для сравнительной политологии, особенно для так называемой «восходящей традиции» стратегии исследования. Выделение и типологизация политических режимов осуществлялась в рамках восходящей стратегии (от частного к общему), и, чаще всего, по ограниченному количеству внешних индикаторов (один или два), например, по шкале «свобода-несвобода». «матрица Алмонда-Пауэлла» [\[34, p. 308\]](#) построена на двух критериях: функциональной дифференциации и субсистемной автономности. Типология Ж. Блонделя строится на включенности/исключенности реального политического участия масс и степени дифференцированности политической элиты [\[35\]](#). Отечественная типология В. Гельмана [\[36, с.168\]](#) строится на критериях преобладающего типа институтов и факта наличия/отсутствия электоральной конкуренции. Проблема большинства режимных типологий, разработанных в прошлом веке, с одной стороны вытекает из методологии сравнительных исследований – проблема «мало случаев (N), много переменных», а с другой – в ориентации на внешние «симптоматические» индикаторы. Поэтому режимные типологии, построенные на базе восходящей традиции, хоть и представляют некоторый академический интерес, но их использование с практическими целями крайне затруднено. Также нужно учитывать, что диагностика политического режима по нескольким внешним симптомам не способна, к примеру, учесть влияние уникальных ситуаций наподобие антикризисных мер. То же самое касается и вопроса транзита – можно выявить факт изменения симптомов, но нельзя с полной уверенностью утверждать о изменении механизмов функционирования политической системы, и наоборот.

В-четвертых, мы также можем взглянуть на политические режимы с точки зрения процессорной парадигмы. Проблема состоит в том, что такой ракурс в формате серьезного фундаментального исследования уходит из объектно-предметной области политических наук в сторону социальной философии и требует разработки комплексной детерминационной модели общества, дающей весь комплекс связей между общественными подсистемами. Сам по себе запрос на подобную модель озвучивается, но для ее реализации требуется продолжительная работа большого разностороннего научного коллектива из представителей широкого спектра различных дисциплин, либо талантливый исследователь с большим кругозором, способный в одиночку осуществить междисциплинарный синтез, что в современных условиях господства узкой специализации является достаточной редкостью.

Тем не менее, не смотря на все обозначенные сложности, в формате заявленной

специфики применения именно процессорная парадигма представляет максимальный интерес: практическая применимость результатов исследований в симптоматической парадигме из-за низкого количества параметров в модели крайне сомнительна, а институционально-правовая парадигма не способна отобразить разрыв между объективной реальностью и ее отражением в правовом пространстве, что также является критической проблемой при интерпретации и практическом использовании исследований политических режимов в рамках данной парадигмы. А властная парадигма смещает ракурс на средние политические циклы и политический рекрутинг.

Применительно непосредственно к самой транзитологии также можно выделить несколько парадигм, объясняющих транзитные процессы. Во-первых, это девелопменталистская парадигма, которую развивали такие исследователи, как С. Хантингтон [\[37\]](#), Б. Мур [\[38\]](#), Д. Растоу [\[39\]](#). Для девелопменталистов были характерны идеи искусственной социально-политической инженерии через конструирование формальных структур и институтов, и подкреплении этого процесса внедрением социокультурных норм. Социально-политическая инженерия должна была «подтолкнуть» процессы политической (а в след за ней – экономической и социальной) модернизации, рассматриваемой в рамках линейного западоцентризма. Такой подход сложно назвать объективным (из-за идеализации «западного стандарта»), а попытки политической модернизации «авторитарной периферии» во второй половине прошлого века в целом потерпели крах. Сторонники мир-системного подхода заметили бы, что на практике конструирование условий для режимного транзита в сторону западной демократии вылилось в форматирование политических систем для «подключения» проходящих процесс транзита стран к контурам западной экономической мир-системы в качестве неокOLONиальной периферии. То есть, декларируемые девелопменталистами идеалы по факту из научного объяснения трансформировались в идеологическое обоснование неокOLONиальных процессов, оторванное от реальных практик. При этом сама теория транзита у поздних девелопменталистов [\[33\]](#) рассматривается преимущественно в контексте стадийного транзита к демократическому режиму. При этом девелопменталисты концентрируют внимание в основном на культурно-политических предпосылках, запускающих смену политического режима, но при этом обращают мало внимания на экономико-политическую детерминацию (точнее, сильная экономика рассматривается как предпосылка для укрепления демократического режима, но механизм этой детерминационной связи, например, через структуру экономической элиты и вытекающие из нее стратегии работы с политической системой, не представлен). Сам же транзит представляет из себя цепочку: формирование предпосылок (либерализация), институционально-нормативная трансформация (демократизация), и окончательная подстройка общества под новый режим (консолидация). Такой подход демонстрирует методологическую проблему «первого приближения» – поверхностное описание общего процесса, при этом игнорируются движущие силы этого процесса, причины их заинтересованности в успехе его реализации. Исходя из теорий демократизации ускользает мотив политических акторов принять решение о перезагрузке политической системы и запуске ее в новом режиме работы.

Проблемы девелопменталистов и их неспособность эффективно объяснить посткоммунистический транзит третьей волны демократизации породил множество попыток заполнить образовавшийся теоретический вакуум. В этом отношении можно вспомнить разработки А. Пшеворского [\[40, p. 95-134 40\]](#). Его элитарно-процедурный подход как раз и пытается описать процессы транзита в формате отношений между группировками элит с учетом их интересов. Минусом такого подхода является то, что между элитами уже

произведено «распределение ролей» и прописаны «сценарии взаимодействия» в процессе реализации транзита. И сам транзит задан по вектору авторитарный–демократический. Такой подход был относительно удачен в отношении «третьей волны» демократизации в логике родственных ситуаций в процессе крушения коммунистических режимов. Однако в современных условиях применимость схем такого рода заметно снижается. В частности, по причине нарушения ролевой структуры в случае с «машинами-для-выборов», ставящими интересы своих спонсоров выше запросов со стороны электората.

Другая проблема, которую мы можем наблюдать в работе А. Пшеворского – это отсутствие понимания того, кому может быть выгодно установление демократического режима в обществе, и кто при этом обладает возможностью его установить. Опять же, само наличие независимых политических структур с альтернативным политическим видением упирается в проблему обеспеченности ресурсной базой, что ведет нас к четырем возможным вариантам: поддержка снизу (как результат, революционные организации), поддержка со стороны (что требует определенного уровня развития экономики для формирования лоббистского компромисса), финансирование из вне (иноагенты, что автоматически переводит режимный транзит в плоскость неоколониализма), и от государства (что означает административные кланы и слабо соотносится к процессам демократизации). Таким образом, в своих работах А. Пшеворский упускает фактор необходимых условий для формирования конвенциональной политической конкуренции, а стремление к монополизации власти авторитарными режимами рассматривает, как нечто патологическое.

Большим минусом классической транзитологии является склонность к линейному восприятию этого процесса и идеализации формирования демократического режима, как некой финальной стадии политической модернизации. Однако иллюзия эволюционизма была во многом обусловлена глобальными международными трендами блоковой динамики. Та же «третья волна» являлась результатом постепенного развала соцлагеря. В следствии чего группа сходных по многим параметрам стран попала под влияние общего процесса, но транзитологи восприняли этот процесс скорее в формате «in vitro», как естественную эволюцию в сторону универсального идеала, чем как результат международных процессов (учет которых формально декларировался, но по факту был слабо представлен в объяснительных моделях), что, в свою очередь, означает методологическую ошибку, известную как «проблема Гэлтона», а именно, игнорирование внешних причин, которые могут создавать иллюзию эволюционности. Сторонники процедурного подхода в свою очередь хоть и ближе к тому, что происходит «на земле», также рассматривают транзит сквозь призму исключительно демократических переходов, невольно поддаваясь ловушке эволюционизма и идеализации демократических режимов.

На наш взгляд, представляется необходимым придерживаться более объективных и утилитарных позиций к вопросу режимов и режимного транзита, оставив спор о том, чем является транзитная демократизация на практике политическим философам. Возможно, это действительно некая форма общественно-политической эволюции, а возможно просто унификация форматов лоббистских контуров, сопровождающая процесс экономической глобализации и стимулируемая ТНК, как это видится с позиции мир-системного подхода. Однако в контексте данного исследования обе эти позиции слишком глобальны и не имеют достаточного прикладного ракурса.

Подводя итог, можно отметить потребность в несколько ином взгляде на проблему политических режимов и режимного транзита, который был бы более универсален в своем отношении к разным типам режимов, и обладал бы более прагматичным подходом

к вопросу режимного транзита.

4.1. Ревизия и адаптация моделей политической системы Д. Истона и Г. Алмонда

Выше нами был дан обзор основных теорий и моделей политической системы, и сделан вывод о наибольшем соответствии целям и задачам исследования классических моделей Г. Алмонда и Д. Истона.

Стоит отметить, что Алмонд предлагает несколько моделей политической системы с разным уровнем внутренней детализации. Подсистемы входа и выхода по Д. Истону [\[41, p. 389-390\]](#), или, если брать одну из моделей Г. Алмонда, функция процесса и функция политического курса, а также Г. Алмонд добавляет отсутствующую у Д. Истона функцию политического курса (в дальнейшем мы ее будем именовать в рамках данной работы подсистемой поддержания политического процесса) [\[5, 74-88\]](#). Проблема в том, что такая модель носит ярко выраженный функциональный характер (и предлагает нам функциональную структуру), представляющий значимый интерес в рамках политической теории, но ее прикладная значимость не столь велика. Кроме того, в варианте Алмонда заметен крен в сторону описания преобразования политических требований на демократическом «входе» в политическую систему. Однако сам процесс принятия политических решений в его модели не детализирован, и соответствующая подсистема (функция) не выделена.

Кроме того, Г. Алмондом выделялась подсистема поддержания процесса (системная функция), к каковой относились такие явления, как рекрутинг политической элиты. Стоит отметить, что позиция Г. Алмонда в этом вопросе достаточно сильно упрощает структуру политической системы. Проблема в том, что тот же рекрутинг одновременно может быть также как частью подсистемы поддержания процесса (системной функции), так и подсистемы входа (функции процесса), и даже подсистемы выхода. Например, процесс избрания публичного политика с его политической программой – это не только рекрутинг политической элиты, но и проявление артикуляции и агрегации политических требований общества. В то же время, назначение чиновника-исполнителя, ответственного за реализацию политического решения, также может рассматриваться с позиции рекрутирования. И в этих условиях снова становится востребован принцип абстрактного функционализма Т. Парсонса. Кроме того, еще одним минусом модели Г. Алмонда является размытие функции принятия политических решений. А если быть точнее, то Г. Алмонд не разделяет процесс принятия политического решения и процесс инициирования его реализации. Можно предположить, что в работах Г. Алмонда проявилась профессиональная деформация западного политолога, с одной стороны, разводящего процессы политической борьбы и управления, а с другой – концентрируя внимание именно на политической борьбе внутри современного демократического режима. С другой стороны, он добавляет в подсистему входа (функцию процесса) и вынесение судебных решений (хотя институционально это относится к отдельной ветви власти, а функционально может быть классифицировано в качестве системной функции). Более логичным представляется добавить в нашу модель политической системы на базе разработок Г. Алмонда такой элемент, как «ядро принятия политических решений», обособив его от остальных подсистем внешнего контура. Стоит также отметить, что такой подход существенно изменит функциональную наполненность «подсистемы поддержания процесса». Этот блок нельзя полностью отбросить, однако его значимость в трактовке Г. Алмонда была с одной стороны, излишне расширена за пределы политической системы, включив туда, к примеру, процессы социализации, а с другой стороны функциональное наполнение, необходимое для поддержания системных процессов, намного шире.

В целом, одной из проблем классических подходов к построению моделей политической системы является недостаточная интенсивность использования кибернетического подхода и информационно-коммуникационной парадигмы. Д. Истон выводит в качестве составляющей входа требования и поддержку, а в качестве составляющей выхода – политические решения. И политические решения, и политические требования имеют информационную природу. С феноменом политической поддержки ситуация на первый взгляд обстоит несколько сложнее. Например, к категории политической поддержки можно отнести участие в публичных акциях. Но если мы не выходим в пространство неконвенционального политического поведения (мятежи, революции, террор в отношении политической элиты) – то мы видим, что в конвенциональном поле политическая поддержка конвертируется во все ту же информацию. Акции публичной поддержки по сути превращаются в символы-индикаторы, формирующие представление политической элиты о происходящем в обществе, и, таким образом, создающими информацию «на входе». В результате мы можем выделить два контура взаимодействия политической системы со своим окружением. Первый контур – контур информационного обмена между системами политической и общественно-государственной (нам приходится разделять государство и политическую систему – несмотря на то, что пространства этих двух явлений в значительной степени накладываются друг на друга, они не тождественны). Информация, поступающая из общества (в формате требований и поддержки), а также информация общего характера, формирующая представления внутри конкретной политической системы о происходящем, и информация, приходящая из вне, например, в рамках международной политической коммуникации. Таким образом, можно провести параллели с работой мозга у биологических организмов – информационные импульсы поступают в мозг, обрабатываются, и формируют ответную реакцию, определяющую адаптационные действия организма. И в случае с политической системой мы можем экстраполировать эту аналогию. Однако, как и в случае со сложными биологическими системами обработки информации, следует учитывать, что и функционирование социально-политических систем не может быть описано в рамках жесткой механистической модели. В случае живых организмов мы, помимо информационного контура электронных сигналов в нервных тканях, также можем наблюдать и разнообразные структурные воздействия, вмешивающиеся в процессы мышления. Биохимия самого организма, вирусное поражение тканей мозга, и т.д. Те же структурные воздействия, например, лоббизм и коррупция, присущи и социально-политическим системам. Эти структурные воздействия будут изменять среду самой политической системы и влиять на процессы обработки информации и процессы принятия политических решений. Точно также, как наркотические вещества могут вызвать привыкание подобное привыкание вызывают и «финансовые впрыски» в рамках коррупции и лоббизма.

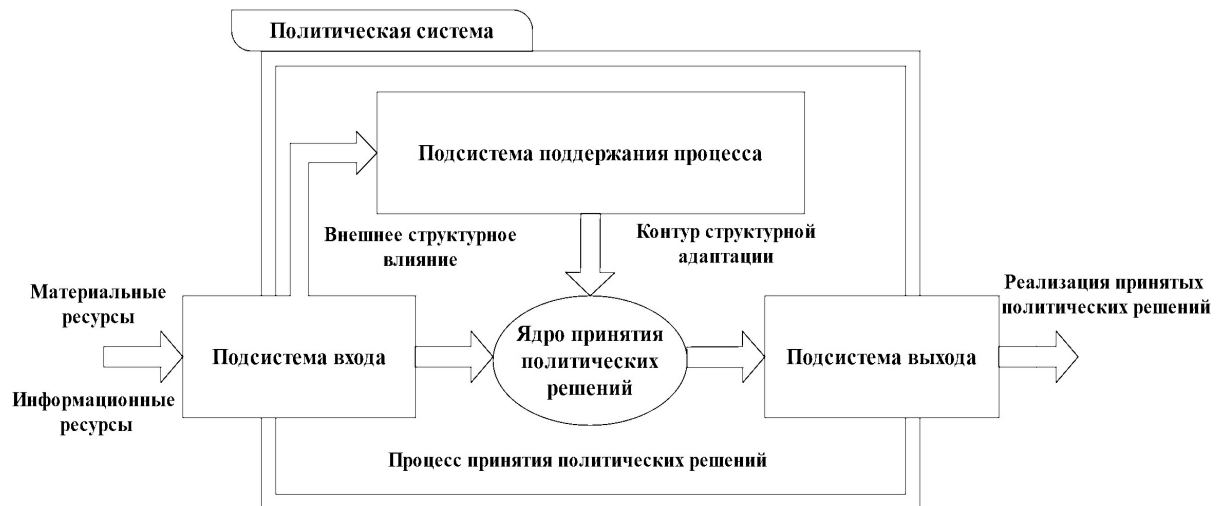

Рис.1. Дополненная модель политической системы на базе моделей Г. Алмонда и д. Истона

Именно поэтому схема Г. Алмонда нуждается в определенной ревизии: во-первых, сказывается двойственная природа входящих импульсов – информационная и структурная. Отсюда вытекает как необходимость обособить подсистему «входа», так и потребность в разделении подсистем, ответственных за реакцию на структурные и информационные импульсы. Во-вторых, само воплощение в жизнь принятых политических решений также не может быть сведено к чисто информационной компоненте, хотя само политическое решение в той или иной его форме таковым и является. Что и приводит нас к четырехкомпонентной схеме модели политической системы (см. рис. 1).

Как результат, структура политической системы будет выглядеть следующим образом: во-первых, это подсистема «входа» - в отличие от классических трактовок западных политологов каналы поступления в политическую систему импульсов достаточно разнообразны: это не только народное волеизъявление в конвенциональном и неконвенциональном формате, но также и лоббистский контур, обратная связь механизмов государственного управления, внешние импульсы международной политической коммуникации, обстановка в текущем информационном поле, и даже аналитика доверенных мозговых центров. Комплексная природа «хаба» информационных каналов на входе в политическую систему плюс внешние структурные воздействия, и это если только ограничиться непосредственно самим «входом». Но подсистема «входа» также включает в себя и политическую периферию. Проводя социобиологические аналогии, если политическая система (в первую очередь, ее ядро принятия политических решений) – это «мозг» «Левиафана», то широкие слои населения, как совокупность отдельных индивидов, с пронизывающими общество социальными связями, выступают в качестве своего рода «нервной системы», где каждый индивид – это «политический рецептор». И эти «политические рецепторы», объединенные в разветвленную сеть социально-политических отношений, подключены к ядру политической системы посредством относительно небольшого количества «шлюзов». Структура этих шлюзов и будет определять, какие именно информационные потоки сформируют информационную среду внутри политической системы, в рамках которой будут приниматься политические решения.

Во-вторых, та самая, предложенная Г. Алмондом «подсистема поддержания процесса», которую необходимо наполнить новым смыслом. В трактовке Г. Алмонда работу любой системы необходимо поддерживать на материальном уровне. В качестве аналогии можно

привести примеры: даже если мы берем работу вычислительной техники или живого мозга, помимо чисто информационной функции (функции обработки информации), саму работу материальной инфраструктуры, за счет которой и происходит данный процесс, необходимо обеспечить. Однако сама возможность обеспечивать функционирование политической системы открывает возможность влиять на нее. Например, если мы говорим про национальное правительство, то оно будет находится в определенной неформальной зависимости от уже местных властей, в ведение которых находится инфраструктура органов национальной власти. Возможность банального отключения здания, в котором может находиться проблемный орган власти от комплекса ЖКХ как минимум создаст сложности в его работе. Не стоит забывать и о том, что политические элиты обычно имеют желание и возможность обеспечить себе комфортные условия. Обеспечение таких условий, формальным или же неформальным путем также превращается в канал воздействия на власть. Наконец, работа различных структур контролирующего типа также может быть превращена в инструмент влияния на власть. То есть, помимо стандартных, по большей части информационных каналов «входа» существует еще и различные варианты «аппаратного» вмешательства в процесс принятия политических решений. Причем фактор «аппаратных вмешательств» можно трактовать в достаточно широком диапазоне, начиная с коррупции и лоббизма и заканчивая революционными процессами.

Важно отметить, что в расширенной трактовке к функции «подсистемы поддержания процесса» можно отнести и функцию внутренней структурной адаптации, необходимую для коррекции выполнения основной функции политической системы. Рассматривая механизм реализации этой функции, мы можем опереться на такие принципы, как «принцип внутреннего давления» [\[18, p. 580\]](#) и «принцип динамических контуров». Принцип внутреннего давления предполагает ограниченность ресурсов в политической системе, что приводит к росту конкуренции за них. Соответственно, чем выше уровень в иерархии, тем больше доступных ресурсов, но при этом меньше свободного пространства, что ведет к более сильной и жесткой конкуренции, причем не только на самом уровне, но и в форме давления снизу. Также стоит отметить, что поступающая извне политическая поддержка и политический негатив могут послужить ресурсом для структурных преобразований внутри политической системы, вызванных процессами конкуренции и борьбы за внутренние ресурсы. Принцип динамических контуров опирается на синергетику. Как сама политическая система является контуром стабилизации общественных процессов, так и «подсистема поддержания процесса» может быть нами рассмотрена в качестве такого стабилизатора уже для политической системы. Здесь уместно говорить о модели «рекурсивной пирамиды» контуров стабилизации: существует внешний (социально-экономический) контур общества. Нарушения внешнего контура порождают политическую нестабильность, поступающую в виде требований уже в политическую систему по контуру взаимодействия политической системы и внутреннего социального окружения. Нарушение этого контура взаимодействия политической системы и общества активизирует контур конвенциональной адаптации (например, в рамках демократических институтов). Если же конвенциональная адаптация не срабатывает, то происходит переключение потоков поддержки с конвенциональных сил на неконвенциональные. И в рамках неконвенциональной адаптации политической системы, иначе говоря – революции, эти революционные силы пытаются преобразовать политическую систему с целью возвращения ей функциональности. Но и в самих неконвенциональных революционных силах также есть механизмы внутренней стабилизации. Конечно, количество контуров в рекурсивной пирамиде ограничено, и заканчивается на том моменте, когда финальный контур

замыкается на конкретном индивиде, в качестве которого обычно выступает политический лидер. Для простоты мы можем свести количество адаптационных контуров внутри политической системы до трех: контура конвенциональной адаптации, контура неконвенциональной адаптации, и контуров лидерской адаптации.

При этом также нужно понимать, что основная задача «подсистемы поддержания процесса» собственно и состоит в том, чтобы обеспечивать эффективность процесса конвертации поступающих в политическую систему требований и поддержки в политические решения, который и происходит в элементе, который мы обозначим, как «ядро принятия политических решений». То есть, выделенные Г. Алмондом три подсистемы по сути окружают «ядро» и обеспечивают внешние условия для его функционирования.

Собственно, само «ядро принятия политических решений», которое конвертирует входящую политическую информацию непосредственно в политические решения. Более детально процессы, происходящие внутри ядра, мы рассмотрим позднее, а пока что обозначим «ядро», как элемент функциональной структуры политической системы. В принципе, если мы посмотрим на модель политической системы Г. Алмонда, то мы увидим, что, выделив три подсистемы, он, по сути, снял «верхний слой», окружающий «черный ящик» Д. Истона. Или же «черный ящик внутри черного ящика». Но само ядро при этом в рамках модели Г. Алмонда не получило должного формализованного описания.

«Подсистема выхода» является последней подсистемой. В трактовке Г. Алмонда формально именно здесь и происходил процесс принятия политического решения. Однако стоит отметить, что сам по себе процесс принятия политического решения достаточно сложен, особенно если мы говорим про современные демократические институты и принцип разделения властей, в результате которых в политическом процессе наметилась узкая профессиональная специализация. Политическое решение мало принять, мало проявить политическую волю, ее нужно преобразовать в те информационные форматы, которые используются в процессе государственного управления. Она должна быть трансформирована в законы, указы, стратегии, программы, конкретные проекты, и иные формы. После чего этот импульс политической воли, облеченный в соответствующую форму, должен пройти вниз по властной иерархии через различные инстанции к исполнительным структурам, функционирующим вне политической системы, и ответственным за реализацию «на земле» принятых политических решений. То есть, вся административная структура, задействованная в процессе проводки и трансформации политического решения в импульс, активирующий исполнительные механизмы, и есть «подсистема выхода».

Помимо функционального подхода также стоит отметить институциональные подходы. Мы всегда можем построить модель системы институтов и каналов взаимодействия между ними. Однако такой подход имеет несколько минусов. Во-первых, он достаточно трудозатратен, и потому плохо подходит в качестве поточного метода. Для примера, выше уже упоминалась серия проектов «Политика», реализуемых INSCR [\[6\]](#).

Во-вторых, в свое время социолог Штомпка отмечал [\[3, с. 213\]](#), что мы, конечно, можем построить статичную институциональную модель динамической системы, но ее полезность (именно из-за фактора динамики) будет весьма относительной, так как она отражает только формальную сторону вопроса. В этом смысле функционалистские подходы обладают большей перспективностью. Тот же принцип абстрактного функционализма Т.

Парсонса [2, с. 14] — как бы не изменялись институты и социальные структуры со временем, базовые функции, которые необходимо реализовывать в обществе, останутся неизменны. Этот принцип будет работать и в ситуации с анализом политических систем. Рассматривая логическую основу разрабатываемого метода, перспективным представляется воспользоваться принципом детерминационной цепочки. Если взглянуть на политическую систему с точки зрения синергетической парадигмы, мы имеем типичный «черный ящик» Д. Истона, формирующий государственную политику в пространстве «выхода». Которая, собственно, и представляет повышенный интерес для потенциального заказчика. Именно на этом этапе создаются национальные и международные программы, без которых реализация наиболее «массивных» кейсов международного сотрудничества оказывается затруднена. И если технические аспекты международного бюрократического взаимодействия часто оказываются изучены достаточно подробно, то вот вопросы внутренней политической конъюнктуры на этом фоне теряются. А ведь именно от них зависит проявление политической воли, причем как в формальном, так и в неформальном аспектах. При этом макропроцессы в политической системе безусловно важны, но их отслеживание требует более глубокой и комплексной политической экспертизы, чем может себе позволить большинство потенциальных заказчиков. Поэтому фокус внимания и должен быть направлен в первую очередь на отслеживание состояния «ядра принятия политических решений», а более глубокий обособленный анализ остальных компонентов политической системы рассматриваемой страны – это более глубокая детализация, потребность в которой удовлетворяется отдельными исследованиями по конкретной стране и с конкретной постановкой цели. То есть, если мы, к примеру, рассматриваем обзорные и сравнительные исследования, направленные на развитие международного сотрудничества, то в первую очередь нас будет интересовать вопрос – а получится ли заинтересовать в развитии международного сотрудничества государственные структуры на той стороне? А есть ли там предпосылки для принятия политического решения о такого рода сотрудничестве? И в таком случае понимание принципов работы «ядра» конкретной политической системы даст информацию для проведения стратегических прогнозов и выбора подходящего вектора международного сотрудничества. А вот уже после принятия такого рода политического решения для предупреждения проблем возможно проведение углубленных исследований, в рамках которых каждая подсистема будет изучена обособленно. Тем не менее, как мы уже писали выше, внешний слой политической системы (подсистемы входа, выхода, и поддержания процесса) формируют те самые условия, в рамках которых функционирует «ядро принятия политических решений».

4.2. Вопрос режимной динамики и режимного транзита

Как уже говорилось выше, эволюционизм классической транзитологии диктует потребность в более объективных, прагматичных, и универсальных подходах к вопросу сущности политических режимов и режимного транзита. Также стоит отметить, что разрабатываемые транзитологами модели принятия политических решений в ходе самого режимного транзита (например, в работе А. Пшеворского [40]), имеют узкоситуативный характер и ограниченный набор ролевых ниш для политических акторов. По этой причине их использование в иных условиях с иной акторной структурой становится сложным и громоздким процессом с неясными перспективами итогового результата.

Таким образом, нужна достаточно простая идея, на основании которой можно было бы выстроить логику нового подхода. В связи с чем представляется подойти к вопросу анализа политических режимов и режимного транзита так сказать, «с конца». На выходе

процесса работы политической системы мы получаем политическое решение. Если рассматривать политическую систему, как механизм производства политических решений, то этот механизм может иметь разные «режимы работы». Эти «режимы работы», в свою очередь, будут зависеть от тех задач, которые общество ставит перед политической системой. Или, если посмотреть на процесс с позиции элитарно-процедурной парадигмы, в зависимости от тех условий, в которых будут вынуждены действовать политические акторы и элиты. Таким образом, внешнее давление будет деформировать политическую систему, вынуждая ее изменить режим работы (процесс «выпуска» политических решений). Подобный технократический подход позволяет взглянуть на процесс принятия политических решений с позиции логики «треугольника относительного оптимума». Производство политических решений также будет утыкаться в пространство, образуемое критериями «быстро-дешево-качественно».

«Авторитарный полюс» будет способствовать уменьшению нагрузки на политическую систему через игнорирование политических проблем или делегирования их решений вниз по вертикали. Экономия на инструментах в категориях «кнута» и «пряника» требует от представителей политической элиты проявления меньших организационных усилий и вызывает меньше конфликтов в самой системе в процессе мобилизации усилий, или же при проведении реформ. Таким образом, «авторитарный полюс» становится синонимом «дешево».

«Тоталитарный полюс» — отталкиваясь от случаев, диагностируемых как тоталитарные, мы можем констатировать наличие кризисных условий. То есть, ограниченность во времени и ресурсах, необходимость решать вопросы «здесь и сейчас», готовность элиты использовать мобилизационные инструменты, не взирая на политические последствия, и готовность жестко подавлять сопротивление проводимым антикризисным мерам. Все это можно охарактеризовать установкой «быстро».

«Демократический полюс» характеризуется установкой на отлаженность и предсказуемость политического процесса. В сравнении с более простыми формами, характерными для авторитарного и тоталитарного полюсов, архитекторы демократических режимов стремятся выстроить систему сдержек и противовесов. Причем категория «качества» присутствует скорее не в общей эффективности процесса принятия решений (тут может сказываться затянутость, вызванная, к примеру, перекосом в представленность разных политических сил во власти), а в компромиссном и сбалансированном удовлетворении интересов тех групп, которые и финансируют ключевые политические акторы. Инвесторы должны быть уверены в надежности своих инвестиций в политику.

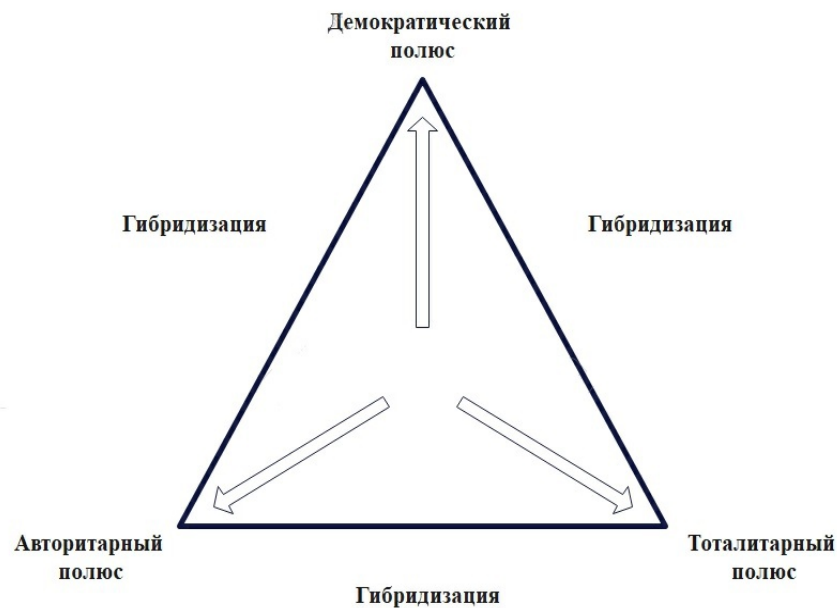

Рис. 2. Треугольник АДТ поля режимного транзита

Таким образом, мы можем говорить не просто о линейных транзитах между полюсами (так ситуация выглядит при первом приближении), а о перемещениях (отклонениях) в некоем «транзитном поле», образуемым этими полюсами (См. рис. 2).

Также следует отметить, что сам транзит может быть описан в двух категориях: непосредственного изменения режима функционирования в ответ на острый вызов (резкие антикризисные меры, например, реакция правительства США на Великую Депрессию), и структурная адаптация, когда внешнее воздействие качественно деформирует политическую систему, изменяя сам режим ее функционирования. Использование концепции транзитного поля в треугольнике АДТ (Авторитарный-Тоталитарный-Демократический) позволяет обеспечить заявленную нами масштабируемость. Выявление общего отклонения политической системы в сторону одного из трех принципов относительно просто и интуитивно понятно для осуществления экспертной оценки специалистом, работающим с большим объемом местной оперативной информации. В случае необходимости проведения сравнительных исследований каждый полюс может быть детализирован через систему шкал и индикаторов, объем которых также масштабируем.

При этом подход к режимам и режимному транзиту через "треугольник АДТ" позволяет избежать проблемы формальных подходов (например, институционально-правового) в идентификации гибридных моделей и нестандартной институционально-правовой архитектуры, вынуждающих выделять отдельные режимные архетипы и переусложнять режимные типологии. К примеру, рассматривая гибридные режимы через полюса треугольника АДТ, мы все равно не сможем выделить какой-то уникальный подход по отношению к решаемым проблемам и формируемым политическим решениям, который был бы альтернативен полюсам. Мы увидим вариант режимного заимствования, когда инструменты и технологии, характерные для другого режима, ограниченно используются в логике режима основного. Например, авторитарно-тоталитарный режим на Украине

использует тоталитарную мобилизацию и тоталитарные инструменты «снизу», для политической стабилизации общества, в то время, как украинская политическая элита демонстрирует полное соответствие авторитарному полюсу. Или использование тоталитарного инструментария в США для преодоления последствий Великой Депрессии.

Применительно к сопряжению с другими подходами выделение политического режима, как результирующей процесса, не противоречит ни институционально-правовым подходам (институционально-правовая трансформация включена в процесс структурной адаптации, закрепляя и стабилизируя смену режимных практик в политической системе), ни элитарно-процедурным (поскольку укрепление режимной стабильности будет в целом отвечать интересам господствующих элит).

Стоит также отметить, что характер процесса принятия политических решений, обусловленный политическим режимом, будет влиять на структуру действующих в системе политических сил. Для описания этого комплексного явления нами будет использоваться понятие «политического вектора». Выделение данной категории необходимо для закрытия слабости институционально-процедурных подходов, фокусирующих внимание на формальные политические институты. В то же время влияние лоббистов, коррупционеров, и широких масс, как спонсоров и активаторов политических сил оказывается учтено достаточно слабо. В свою очередь тип политического режима (или же преобладание режимного полюса) будет неразрывно связано с формой организации комплекса структур, способных сформировать и продвинуть реализацию политического курса. Мы можем представить несколько

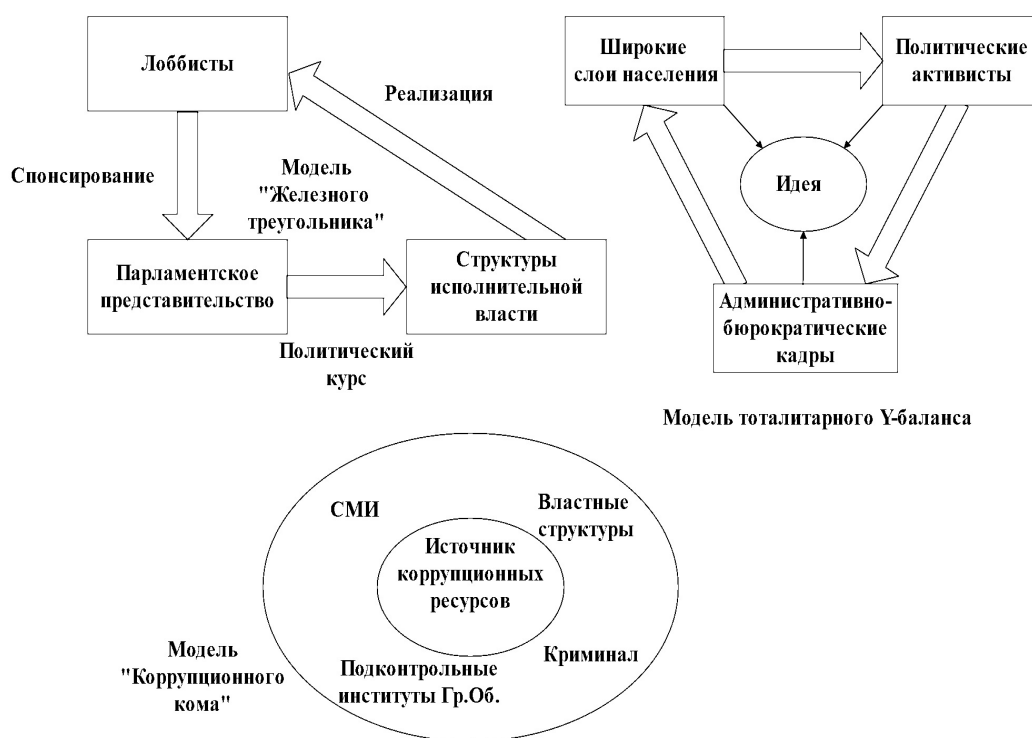

Рис. 3. Типовые модели политических векторов для демократического, тоталитарного, и авторитарного режимов

типовых режимно ориентированных моделей (см. рис. 3).

В демократических режимах наиболее частой формой выступают так называемые «железные треугольники» (лоббирующая экономическая группа интересов, спонсируемое ими парламентское представительство, и заинтересованные в реализации

политического трека (в силу лоббизма или ведомственных КиПиАй) структуры исполнительной власти). В тоталитарных режимах формируется моновектор, построенный на принципе У-баланса (своеобразная модель по принципу «камень-ножницы-бумага»: широкие слои населения-идейный актив-административные кадры, сплочающиеся вокруг тоталитарной идеологии). В авторитарных режимах политические вектора образуются по принципу «коррупционного кома» (Владельцы источников ресурсов коррупционными методами подминают под себя различные источники и инструменты власти, и используют их в своих интересах, формируя политический вектор). Эти модели структуры политических векторов наиболее полно отвечают режимной специфике.

4.3. Метод УАКР

Возвращаясь к методу детерминационной цепочки и анализируя работу «ядра», мы начать можем раскручивать процесс его функционирования от точки «выхода» из самого «ядра». Таким образом, мы выделили первое (с конца) звено детерминационной цепочки, присутствующей в политической системе — а именно элемент реализации принятого политического решения через систему государственного управления. Соответственно, процессу реализации будет предшествовать процесс принятия политического решения, который, в свою очередь, зависит от баланса сил в политической системе, формирующийся в процессе политической конкуренции и борьбы за власть. Таким образом, процесс борьбы за власть определяет баланс сил, в рамках которого формируется компромисс между властными группами, результатом которого и становится принятие политического решения. Впрочем, возможен и такой вариант, когда сам процесс принятия такого решения провоцирует обострение политической борьбы, по итогам которой победитель силой проталкивает политическое решение. Из-за чего возникает вопрос — какие именно политические векторы действуют внутри конкретной политической системы, как они организованы, из каких акторов сформированы. Однако и сам вопрос формирования политических векторов напрямую зависит от условий, царящих в политической системе. Условия среды определяют специфику присутствующих в ней акторов и характер формирующихся из них политических векторов. В свою очередь, условия политической системы являются результатом воздействия на политическую систему целого комплекса внешних факторов.

Рис. 4. Модель ядра принятия политических решений по методу УАКР

Таким образом, мы можем выстроить следующую модель содержимого «ядра принятия политических решений» (см. рис. 4), как детерминационную цепочку «условия — актеры — конкуренция — реализация» (УАКР). Выявив условия среды, мы сможем определить, каким образом присутствующие в политической системе актеры образуют устойчивые векторные структуры, и по каким принципам между этими структурами ведется борьба за властные рычаги. Что позволяет нам рассчитать примерный баланс сил и прямо вытекающее из него влияние на процесс принятия и реализации политических решений. А также понять, что из себя представляют ключевые векторные структуры, из кого они состоят и какие интересы продвигают.

4.4. Система индикаторов по методу УАКР

Для того, чтобы иметь возможность смоделировать реакцию рассматриваемой политической системы на тот или иной раздражитель (например, то или иное предложение по организации международного сотрудничества), нам необходимо иметь представление о всех четырех компонентах в рамках модели УАКР, для чего, в свою очередь, нам необходима система индикаторов.

При этом если мы возьмем наиболее известные современные комплексы индикаторов для анализа политических систем, то можно для примера обратиться к разработкам К. Бьернсков и М. Роде [\[42, p. 531-551\]](#). Их комплекс индикаторов состоит из таких элементов, как: количество палат в парламенте, статус колонии, наличие коммунизма/социализма, количество переворотов, членство в Британском Содружестве, наличие демократии, факты переноса выборов, тип партийной системы (степень многопартийной конкуренции), частота выборов, стабильность президентства, наличие монархического уклада, гендерная принадлежность монарха (в случае наличия монархии), обновляемость конституции, наличие президентской республики, гендерная принадлежность президента (в случае наличия президентской республики), факт смены режима, количество

успешных переворотов, факт наличия полного избирательного права.

То есть, как мы можем видеть, индикаторы относительно просты для их заполнения, но при этом в рамках данного комплекса отсутствует фактор системности. Условно индикаторы призваны отразить несколько характеристик: политическую стабильность, политическую конкуренцию, гендерное разнообразие, и ряд институциональных нюансов. Такой набор данных достаточно поверхностен и его сложно использовать для оценки политических процессов.

Дополненные и пересмотренные подсистемы, выделенные Г. Алмондом, а также «ядро принятия политических решений», раскрытое в рамках детерминационной цепочки УАКР, обеспечивает нас пониманием структуры функциональных блоков, из которых состоит политическая система. Соответственно, и выделять индикаторы следует в соответствии с блоками. А поскольку основной наш фокус внимания сосредоточен на «ядре», мы постараемся дать те критерии, по которым можно будет оценить каждый его блок.

Фактор условий определяют то, каким образом и по каким принципам происходит процесс принятия политического решения. Мы можем выделить три ключевые характеристики, формирующие фактор условий. Это характеристика политического режима, определяющая специфику процесса формирования и принятия политических решений, это институционально-процедурная структура политической системы (дающая представление о структуре властных ниш, распределении между ними властного ресурса, и продолжительности политических циклов), а также вопрос автономности политической системы.

Институционально-процедурная структура включает в себя набор индикаторов. Во-первых, это «глубина» властной вертикали на национальном и наднациональном уровне. Для простоты измерения мы рассматриваем ее исключительно в институционально-правовом ключе. То есть, это национальная система административно-территориального устройства (ее уровни), и, если страна плотно подключена к достаточно развитому внешнему интеграционному контуру (например, членство в ЕС), то властные уровни в интеграционной вертикали. При этом следует учитывать уровневую специализацию и интересы носителей власти. И перетекание власти на нижний уровень может привести к ее «застаиванию» в силу отсутствия компетентности и заинтересованности в решении проблем другого уровня. Во-вторых, помимо властной вертикали, интерес представляет и «властная горизонталь», а именно ветви власти, причем не только в формате демократической трехчленки. Помимо стандарта западной демократии политические системы могут иметь свои собственные специфические структуры (например, духовенство и КСИР в Иране). В-третьих, помимо формальных институтов мы можем иметь дело с теневыми структурами (например, клановыми системами в традиционных обществах). Таким образом, мы можем отобразить саму структуру, в рамках которой будет происходить распределение властного ресурса и формироваться центры власти (и их баланс). Впрочем, как уже говорилось в начале статьи, само описание этих элементов в рамках страновых справок часто идет отдельными блоками, поэтому для учета в цепи УАКР рекомендуется следовать принципу функциональной достаточности, чтобы избежать перегрузки малозначимыми подробностями. Стоит также отметить, что в рамках данного индикатора нас интересуют не столько конкретные центры силы, сколько сама «властная экосистема» — ниши, в которых конденсируется властный ресурс. Следует подчеркнуть, что мы в данном контексте рассматриваем исключительно центры силы внутри политической системы, в то время, как во вне политической системы также могут присутствовать свои центры силы, однако влияние на процесс принятия политических систем от внешних сил будет носить и соответствующий ему внешний характер. Эта

методологическая тонкость порой игнорируется отдельными исследователями [\[43\]](#).

В целом, выявление центров скопления власти может быть осуществлено посредством анализа нормативной основы политической системы, в частности, исходя из формального разделения властных инструментов, зафиксированного в рамках конституционного права, однако стоит учитывать и существование неформальных административных инструментов и не учтенных возможностей использования официального инструментария, что будет выражаться в уходе части реального властного ресурса «в тень».

Если не считать «теневой подложки», то помимо распределения власти мы также можем использовать институционально-нормативный анализ для описания продолжительности политических циклов (малого цикла принятия политических решений, среднего цикла политического рекрутинга (электоральные циклы), и большого цикла политических макропроцессов). Малые циклы определяют оперативность принятия и реализации политических решений. Средние циклы представляют из себя формальные электоральные циклы в условиях демократических институтов, прописанные в рамках электорального законодательства, или значительно менее формализованные в не демократических системах, например, смена абсолютного монарха. В рамках данного индикатора важен фактор предсказуемости, поэтому мы не можем сюда включить революционные процессы, относящиеся к большому политическому циклу. Однако влияние этапа политического цикла сказывается на политической стабильности и выплескивается в обострение политической конкуренции в период плановой процедуры «перетасовки» элит.

Также помимо взгляда с позиции институционально-процедурной парадигмы мы также можем воспользоваться парадигмой ресурсно-организационной. Для функционирования политической силы необходимы ресурсы, источники которых можно условно разделить на три категории: поддержка снизу (например, электорально-ориентированные партии), поддержка со стороны (например, «машины-для-выборов»), и государственное обеспечение (госструктуры, административные кланы, существующие непосредственно в системе государственного финансирования). Количество доступных источников ресурсов будет сказываться и на количестве альтернативных интересов.

Еще одним субиндикатором, который может ограниченно применяться для выявления политического режима, являются правовые основы политической системы. В некоторых случаях они могут послужить режимным индикатором: например, зафиксированная в конституции и законах страны ведущая роль идеологии или религии будет свидетельствовать о правовом фундаменте тоталитаризма, а электоральное «выключение» политического участия масс и «заморозка» механизмов сменяемости лиц на ключевых постах более характерна для авторитаризма. Также достаточно сложно говорить о демократическом режиме в условиях отсутствия демократических институтов. Однако индикация по этим нормативным элементам не является абсолютной, особенно в ситуации режимного транзита. Более того, эти элементы могут выступать в качестве атавизма или декоративного элемента.

Другим индикатором является степень «автоматизированности» политических процессов. Чем сложнее система, которой приходится управлять, тем хуже она переносит «ручное управление» процессами и вертикализацию. По сути, административно-бюрократический аппарат играет роль своеобразной «вычислительной машины», собранной из людей. И которая должна быть надлежащим образом «настроена» на управляемую систему. Таким образом, грубые вмешательства в работу «настроенного» механизма порождают

существенные риски, особенно если речь идет об управлении достаточно сложной экономической системой. В таком случае экономические элиты, имеющие ресурс влияния на политическую систему, постараются нейтрализовать такого рода риски через внедрение архитектуры сдержек и противовесов. Впрочем, для этого необходим консенсус и в самой экономической элите относительно обеспечения стабильности процессов государственного управления и «игры по правилам». В то же время, политическая монополизация, антикризисные меры, или примитивность управляемой системы будут снижать «автоматизацию» политических процессов и уровень готовности «играть по правилам».

Стоит отметить, что на готовность «играть по правилам» в значительной степени будет влиять и фактор стабильности политической системы. Если в стране бурлит недовольство, то это будет способствовать обострению политической конкуренции.

Еще одним индикатором может служить структура властной элиты: какие социальные группы обладают реальным влиянием на политическую систему.

Также большое значение в условиях процессов глобализации может оказывать включенность страны во внешние формальные или не формальные контуры. При этом, применительно к методу УАКР, следует разграничить влияние на сам процесс принятия политических решений в системе (что и будет выступать индикатором), и механизмы обеспечения этого влияния.

Подводя итог, мы можем выделить семь основных индикаторов, позволяющих отразить фактор условий в «ядре принятия решений»: политический режим, уровень автоматизации политических процессов, уровень политической стабильности, этап политического цикла, «властная экосистема», внешнее влияние, и структура властных элит.

Фактор политических акторов определяет то, какие фигуры присутствуют на политической доске. Исходя из анализа фактора условий, мы можем выделить конкретные политические силы, способные занять властные ниши и участвовать в процессе борьбы за захват, удержание, и использование политической власти. В рамках фактора условий мы уже отмечали структуру источников ресурсов, на которые могут опираться акторы. Но если на уровне условий нас интересовала структура источников с позиции вопроса их количества, достаточного для обеспечения конкуренции между ними, то здесь они выступают ресурсной основой в процессе формирования политических векторов. О самих политических векторах и их типовых моделях более подробно мы уже писали выше. Само выделение политического вектора и его структуры с одной стороны значительно упростит процесс анализа обстановки в политической системе, с другой позволит избежать идеализации процессов, как у А. Пшеворского [\[40\]](#).

И хотя политические вектора, по сути, являются ключевым индикатором для фактора политических акторов, но также интерес представляют и такие моменты, как, например, тип партийной системы, типы партий, и т.д. Они позволяют более эффективно описать отдельные структурные элементы политических векторов.

Фактор политической конкуренции. Выделив ключевых политических акторов и формируемые ими политические вектора, нашим следующим шагом становится определение властного баланса между ними. К сожалению, достаточно тяжело формализовать процедуру его индикации. Например, для этого можно использовать распределение мест в парламенте, но это лишь один из показателей, который можно

относительно легко выявить. Но, скажем, на уровне исполнительной власти такого рода информация будет достаточно относительна. Также следует отметить, что, например, фактор лоббизма в разных странах и регионах исследуется по-разному, и подходы европейских исследователей кардинально отличаются от подходов американских.

Фактор реализации политических решений. После того, как политическое решение принято, путем ли властного перевеса, властного компромисса, или даже подавления политических оппонентов, возникает задача его реализации. Условно, данный процесс может быть разделен на три этапа – оформление политического решения, его «проводка» через систему управления, и его реализация исполнительными структурами. При этом только первый этап относится непосредственно к «ядру», второй этап – к подсистеме «выхода», и третий этап – уже непосредственно к исполняющим структурам. Сам по себе данный процесс достаточно сложен, может иметь непростую логику властного импульса. Однако в рамках метода УАКР интерес для нас представляет только первый этап. Мало добиться принятия политического решения, это решение может быть искажено теми политическими структурами, которые конфигурируют политический импульс. Если мы говорим про законотворческий процесс, то это может вылиться в принятие поправок, которые будут снижать эффективность принятого решения за счет «подводных камней». Если же мы говорим про структуры исполнительной власти, то они могут оказаться с одной стороны достаточно автономными, а с другой – не заинтересованными в эффективной реализации политического решения. Или даже оказаться недостаточно компетентными для этого.

Также на стадии реализации большую роль будут играть «технические» аспекты. Например, помимо политических циклов принятия решения свою продолжительность имеет и процесс реализации. И если процесс реализации предполагает бюджетное финансирование (причем не из резервных фондов), то это означает включение в бюджетный цикл. Подобные проблемы возникнут и в ситуации, если политическое решение предполагает формирование специальных институтов в рамках политической системы, что потребует время на институциональное строительство (институциональное строительство непосредственно в исполнительных структурах мы, говоря про политическую систему, не рассматриваем). Стоит отметить, что и сами форматы властных импульсов, в которые трансформируются принятые решения (формирование регулирующих норм, дирижирование ресурсами, институциональное строительство, программно-проектная реализация) формируют огромное количество нюансов. Однако с учетом поставленных в рамках исследования целей эти аспекты будут представлять интерес в случае масштабирования метода УАКР, по умолчанию же основная задача ставится в анализе условий непосредственного принятия решения путем установления общей логики процесса, и выделения в рамках этой логики как потенциально заинтересованных/не заинтересованных сил и установление распределения между ними властного ресурса, а также диагностирование возможных проблем технического плана со стороны противников решения на фазе окончательного формулирования властных импульсов.

5. Применение метода УАКР

В качестве иллюстрации применения метода УАКР на практике в качестве примера нами была выбрана Япония в период с 2000 по 2015 год [\[44\]](#),[\[45\]](#). Стоит также отметить, что между разработками исследователей-теоретиков и исследователей-практиков имеется ряд принципиальных отличий в целеполагании, и если практик зачастую не обладает «свободой рук» и всей полнотой информации (в силу ограниченной ее доступности или

нехватки исследовательских ресурсов), и потому вынужден идти на определенные риски, то теоретик имеет возможность подобрать уже законченные кейсы с высоким иллюстрационным потенциалом. И в данном случае мы выступаем именно с позиции исследователей-теоретиков, выбирая более «наглядный» материал, чем политические системы условных Габона или Мадагаскара (страны не менее интересные с научной точки зрения, но значительно более сложные и трудоемкие в плане получения информации).

Фактор условий. Применительно для Японии мы можем отметить ряд особенностей. Во-первых, по индикатору внешней зависимости Японию можно классифицировать в качестве вассала первого уровня в системе американской кооперативной гегемонии (стратегическое положение в регионе, сложности в отношениях с соседями, и расчёт на активную заинтересованность Японии в совместных проектах). Стоит отметить, что по этой причине в стратегических вопросах Япония в целом старается следовать в фарватере американской политики, однако во внешнеэкономическом аспекте она достаточно самостоятельна. Во-вторых, политический режим Японии можно классифицировать как демократический (японская экономика в силу уровня своего развития формирует несколько крупных групп интересов, что создает предпосылки для формирования системы сдержек и противовесов, а также заинтересованность в стабильности и конвенциональности политического процесса; американское внешнее влияние также способствовало процессу перенятия демократических практик, также в наличии имеется система демократических институтов). В-третьих, сложная структура японского общества и японской экономики диктует более высокий уровень управленческой «автоматизации», что позволяет отнести Японию к группе стран, существующих «в пространстве, основанном на правилах». В-четвертых, с точки зрения средних (электоральных) циклов японская система достаточно сложна – четырехгодичные циклы для палаты представителей, и трехгодичные – для половины палаты советников. Таким образом, выборы проходят с достаточно высокой частотой, и та, или иная часть японского парламента почти каждый год находится в предвыборном напряжении. В-пятых, уровень политической стабильности можно оценивать, как достаточно высокий (в Японии имеется свой комплекс социально-экономических проблем, однако его влияние недостаточно для активизации революционных процессов). В-шестых, если говорить о элитах Японии, следует отметить традиционно сильные корпоративные элиты (что хорошо синергирует с демократическим режимом). Также стоит отметить фактор профессиональных династий и высокий уровень организационной культуры государственных служащих. В-седьмых, говоря о властной экосистеме Японии, следует отметить такие нюансы, как относительная слабость парламента (упор на клиентелизм, характерный для вестернизированных политических моделей Азии, слабая межпартийная идеологическая конкуренция, растянутость предвыборной напряженности) при достаточно сильных и автономных министерских структурах (династийность, родственные связи, организационная культура). Также следует отметить традиции работы государства с агрегаторами интересов крупного бизнеса.

Фактор акторов. Рассмотрев властную экосистему Японии, можно сделать вывод, что она способствует формированию нестандартных вариантов политических векторов по модели «железного треугольника» - в японском варианте политический вес окажется сконцентрирован на крупных агрегаторах бизнес-интересов (в силу их спонсорского и лоббистского потенциала), а также на министерских структурах (в силу спаянности кадрового состава и достаточно плотных связей с агрегаторами бизнес-интересов). Таким образом, парламент оказывается «слабым звеном» в «железных треугольниках», что превращает его в наиболее перспективную «арену» для конкуренции между

политическими векторами. Типичными примерами такого рода агрегаторов выступают JA Zenchu (Центральный союз сельскохозяйственных кооперативов) и Кэйданрэн (Федерация экономических организаций). Соответственно, «аграрный треугольник» включало в себя JA Zenchu и, с «министерского угла», его представляло Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства. Парламентское представительство осуществлялось аграрными кланами ЛДПЯ. «Промышленный треугольник» формировали Кэйданрэн, Министерство экономики, промышленности и торговли, а также промышленные кланы все той же ЛДПЯ. Таким образом, в японском политикуме существуют две мощные векторные структуры, активно конкурирующие между собой по целому ряду вопросов, в основе которых лежат экономические интересы.

Фактор конкуренции. Начиная с Азиатского финансового кризиса возник трек на изменение внешней экономической политики Японии, прежде отличавшейся достаточно высоким уровнем закрытости от процессов глобализации и региональной интеграции, что и привело к столкновению интересов промышленного и аграрного векторов. Сельское хозяйство в Японии обладает недостаточной рентабельностью, и потому остро нуждается в таких инструментах, как заградительные пошлины и субсидии, и, как результат, более высокий уровень интеграции в глобальную экономику становится угрозой отрасли. В то же самое время интеграционный трек обеспечил бы облегченный доступ товарам японской промышленности на внешние рынки. В целом промышленный блок обладал большим ресурсным потенциалом, конвертируемым в политическое влияние, что позволило обеспечить перевес к началу реализации «абэномики», и, в конечном счете, привело к структурному перелому 2015 года, когда процессы конкуренции вышли за привычные рамки, и кабинет Абэ сумел значительно ослабить лоббистские возможности аграрного треугольника, ограничив JA Zenchu в возможностях получения финансовых ресурсов. Таким образом, итогом противостояния стал пусть и не абсолютный, но существенный перевес «промышленного треугольника» над «аграрным».

Фактор реализации. С одной стороны, обособленность министерских структур в Японии обычно более характерна для авторитарных режимов, с другой стороны, министерские структуры сами являются весьма активными участниками японского политического процесса. Поэтому если сформировавшийся политический курс отвечает ведомственным целям и интересам, то искусственных проблем с инициацией реализации курса не возникнет. Также не будет и существенного разрыва между непосредственным принятием решения, и его реализацией через заинтересованную структуру, что достаточно часто наблюдается в условиях «ведомственного феодализма» авторитарных режимов. При этом в силу все того же фактора ведомственной закрытости проведение процесса формализации через враждебно настроенные министерства и ведомства столкнется с серьезными сложностями.

6. Заключение

Таким образом, нами была решена поставленная цель: разработать метод анализа процесса принятия решений в рамках политической системы (метод УАКР) и сформулировать систему индикаторов для оценки «ядра принятия политических решений». Стоит отметить, что в силу заявленных условий, основной акцент делался на аспекте принятия политических решений в рамках малых политических циклов, а процессы структурной динамики в политической системе рассматривались в качестве фонового фактора (как лежащие в области подсистемы поддержания процесса). Таким образом, средний (электоральный) и большой (режимно-транзитный) политические циклы представлены в рамках метода УАКР только как внешние процессы, влияющие на фактор условий. Тем не менее, при масштабировании исследования и подключения

дополнительных методологических инструментов (например, внешних детерминационных цепочек, в которые включена политическая система, а также инструментов для анализа трех других подсистем политической системы) появляется возможность построения более комплексных и детализированных моделей политической системы. То есть, метод УАКР следует рассматривать в формате двух ролей – как отдельного практического инструмента для получения вполне определенных, но при этом достаточно ограниченных результатов, и как инструментальный модуль в рамках комплексного исследования политической системы.

Библиография

1. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-57.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
4. Истон, Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. / Под ред. Г.Ю. Семигина и др.-М.: Мысль, 1997. – 830 с.
5. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Р. Далтон / Сокр. Пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
6. The Integrated Network for Societal Conflict Research (INSCR) / Center for Systemic Peace [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (Дата обращения: 10.08.2023).
7. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств // А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, Н.И. Тимофеев. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
8. Хелд Д. Политика как научная дисциплина по Д. Хелду // Полис. 1991. № 5. С. 146-151.
9. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Подопри-гора А. В. Риски и приоритеты управления регионом в условиях экономической депрессии и роста инфляции // Социум и власть. 2015. № 3. С. 116-123.
10. Сингаевская М.В. Технологии управления общественным мнением // Социология. 2020. №2. С. 71-79.
11. Ершов Ю.Г., Ялманов Н.И. Превентивная модель принятия политических решений // Вопросы управления. 2016. №2 (20). С. 37-42.
12. Байер Ю. П., Васильева В. А., Ветренко И. А. Игровое моделирование политического пространства: анализ зарубежной литературы // Управленческое консультирование. 2021. №9 (153). С. 92-110.
13. Пызин В. А. Политическое управление как предмет профессиологического анализа: симметричная модель принятия кадрового решения // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. №2. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-upravlenie-kak-predmet-professiologicheskogo-analiza-simmetrichnaya-model-prinyatiya-kadrovogo-resheniya> (дата обращения: 24.08.2023).
14. Зуборева М. А. «Ящик Поттера» и особенности принятия решений в ФРГ в условиях

- миграционного кризиса // Власть. 2016. №11. с. 213-218.
15. Заикин С. С. Коалиционные соглашения между политическими партиями: зарубежный опыт и российские перспективы // Lex Russica. 2017. №1 (122). С. 172-184.
16. Achen, C. (2006). Institutional realism and bargaining models. In: R. Thomson, F. Stokman, C. Achen, & T. König (Eds.), *The European Union Decides (Political Economy of Institutions and Decisions)*, pp. 86-123. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511492082.005
17. Макшеева О. А. Оппортунистическое поведение представителей власти // Известия БГУ. 2009. №3. С. 13-15.
18. Hardin, G. (1968). The Tragedy of the Commons: The population problem has no technical solution; it requires a fundamental extension in morality. *SCIENCE*, Vol 162, Issue 3859, pp. 1243-1248. doi:10.1126/science.162.3859.1243
19. Giesecke, J. (1993). Recognizing Multiple Decision-making Models: A Guide for Managers. Faculty Publications, UNL Libraries, 103-114. Retrieved from: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1091&context=libraryscience>
20. Тихомиров Ю. А. Циклы правового развития // Журнал Российского права. 2008. № 10. С. 17-18.
21. Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М.: Наука, 2004.
22. Логинов А. В. Теория политического цикла как методологическая основа для исследования политического процесса // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. №4. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ishodnye-gipotezy-teorii-politicheskogo-tsikla> (Дата обращения: 09.08.2023).
23. Логинов А. В., Шестов Н. И. Применение концепции политического цикла с использованием синергетического подхода // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. №2. С. 43-49.
24. Мощелков Е. Н. Переходные процессы в России: опыт ретроспективно-компаративистского анализа социально-политической динамики. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 150 с.
25. Шнайдер В. Г. Циклизм в истории России: основания подхода // Концепт. 2019. №6. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsiklizm-v-istorii-rossii-osnovaniya-podhoda> (Дата обращения: 11.08.2023).
26. Чемшит Д. А. Кризисы политических систем с эндогенноэкзогенной моделью модернизации (Российский опыт «девяностых» «нулевых» гг.) // Образование и право. 2023. №2. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisy-politicheskikh-sistem-s-endogennoekzogennoy-modelyu-modernizatsii-rossiyskiy-opyt-devyanostyh-nulevyh-gg> (Дата обращения: 10.08.2023).
27. Voinea C. Computational Political Culture: From Scattered Interdisciplinary Research Methodological Approaches to a Unifying Conceptual Framework // Conference Paper, 80th Annual MPSA International Conference Chicago 13-16 April 2023, Session Title: "Taking Stock of Political Methodology", Friday, 14 April 2023, virtual session. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/370325087_Computational_Political_Culture_From_Scattered_Interdisciplinary_Research_Methodological_Approaches_to_a_Unifying

_Conceptual_Framework_1 (Дата обращения: 10.08.2023).

28. Voinea C. Anticipatory Systems in Political Anticipation Research [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/372189828_Anticipatory_Systems_in_Political_Anticipation_Research (Дата обращения: 10.08.2023).
29. Marshall M. Storyboard: societal-systems analytics managing complexity in modern societal-systems [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.systemicpeace.org/assets/managing-complexity-mgmarshall-6Jan2016rev.pdf> (Дата обращения: 10.08.2023).
30. Duverger, M. Les régimes politiques Annales. Année 1949, 1961, no. 4-3, pp. 358-359. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1949_num_4_3_1754_t1_0358_0000_3 (Дата обращения: 10.08.2023).
31. Quermonne, J.-L. Les regimes politigues occidentaux. Paris: Seuil, 1986. – 337 p.
32. Crozier, M. J., Huntington, S. P., & Watanuki, J. The Crisis of Democracy. New York: New York University Press, 1985. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://samizdathealth.org/wp-content/uploads/2020/12/The-Crisis-of-Democracy-TrilatI-Comm-1975.pdf> (Дата обращения: 10.08.2023).
33. O'Donnell, G., Schmitter, Ph. (1986). Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Transitions from Authoritarian Rule Prospects for Democracy / Ed. By O'Donnell et al. Part 4, pp. 1–78. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
34. Almond, G. A., & Powell, G. B. (1966). Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston, MA: Little, Brown and Company.
35. Blondel, J. (1990) Comparative Government: An Introduction. Hemel Hempstead: Philip Allan, 1990.
36. Гельман В. Демократия избыточная или недостаточная? (И вновь о природе политической системы современной России) // Pro et contra. 1998. № 4. С. 168.
37. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 263 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/bf7d/7528a7d3614f3550ec9ef1b869f7f7d731a1.pdf> (Дата обращения: 10.08.2023).
38. Moore, B. Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. – Boston: Beacon, 1966. – 559 p. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://valeriaribeiroufabr.files.wordpress.com/2016/10/barrington-moore-jr-social-origins-of-dictatorship-and-democracy_-lord-and-peasant-in-the-making-of-the-modern-world-penguin-books-1973.pdf (Дата обращения: 10.08.2023).
39. Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. – (April) 1970. – № 2. – pp. 337-363.
40. Przeworski, A. (1991). Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 210 p. [Adobe Digital Editions version]. doi:10.1017/CBO9781139172493
41. Easton, D. (1957). An Approach to the Analysis of Political Systems. World Politics, 9, P. 389-390. Adobe Digital Editions version]. doi:10.2307/2008920
42. Bjørnskov C., Rode M. (2020). Regime Types and Regime Change: A New Dataset on Democracy, Coups, and Political Institutions. [Review of International Organizations]. 15. PP. 531-551. [Adobe Digital Editions version]. doi:10.1007/s11558-019-09345-1
43. Rasekhi A., Mohammadi J. Study on Power Centers in Iran: Continuum of Political, Social and Economic Power as a Framework for Discipline Analysis // Open Journal of Political Science. 2016. Vol.6 No.2. [Adobe Digital Editions version].

doi:10.4236/ojps.2016.62010

44. Калмычек П. А. Взаимодействие бюрократических и политических элит в Японии // Ежегодник Японии. 2009. №38. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-byurokraticheskikh-i-politicheskikh-elit-v-yaponii> (Дата обращения: 20.08.2023).
45. Трошина С. В. Политика Японии в отношении торговых соглашений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Механизмы формирования и группы интересов // АПЕ. 2018. №1. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-yaponii-v-otnoshenii-torgovyh-soglasheniy-v-aziatsko-tihookeanskom-regione-mehanizmy-formirovaniya-i-gruppy-interesov> (Дата обращения: 21.08.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья представляет собой достаточно глубокое и амбициозное теоретико-методологическое исследование, призванное восполнить пробелы в методах современной политической науки посредством междисциплинарного синтеза, а именно привнесение методов из экономической науки. Автор поднимает в статье системные проблемы, связанные с получением достоверного экспертного знания относительно ключевой социально-политической проблематики: в условиях межведомственной конкуренции управленцы вынуждены с целью избежать негативных последствий в виде возможных «утечек информации» опираться на собственные аналитические структуры, которые зачастую имеют дефицит необходимой квалификации. Методология, предлагаемая автором, применима для исследований в области государственного управления, в том числе применимо к международному фактору, то есть внешней политике. Актуальность исследования обоснована достаточно четко, поскольку выявлены основные негативные моменты, связанные с нацеленностью потенциального "заказчика" на простые и понятные методы, не требующие больших временных затрат.

Вместе с тем, сразу же хочется отметить, что статья имеет абсолютно неудобочитаемый вид сплошного текста - отсутствует четко обозначенная структура, деление на тематические подзаголовки, что затрудняет восприятие материала и нарушает требования, предъявляемые к публикациям в изданиях Nota Bene. Автору рекомендуется ввести структуру по принципу IMRAD - обозначив вводную, методологическую, содержательную и заключительную части. Тем не менее, логика изложения присутствует и каких-либо замечаний не вызывает. Автор критически осмысляет известные модели принятия политических решения, выявляя их "слабые" места", и предлагая ввести надежные индикаторы, позволяющие структурировать информацию, возникающую внутри политической системы. Несмотря на то, что статья носит теоретико-методологический характер, все же представляется необходимым с целью повышения прикладной значимости представленной публикации обозначение практического примера применения предлагаемой автором модели анализа принятия решений по принципу: условия – акторы – конкуренция – реализация. Автор опирается на достаточно большое количество как российских, так и зарубежных исследований, источников, вместе с тем, нужно подчеркнуть, что работ, посвященных анализу политического режима и факторов принятия решений, в частности, в условиях транзита, в современном научном дискурсе представлено много, отсылок же или полемики с

авторами данных работ в самом тексте статьи не наблюдается. Сомнение вызывает также и выбор журнала, в котором автор планирует опубликовать статью, представляется, что тематика данного исследования с учетом ориентации на международные исследования в политике больше соответствует изданиям: «Мировая политика» и «Международные отношения». Правовая тематика в ней отсутствует в принципе, нормативные аспекты политической системы затронуты лишь постольку поскольку. С учетом данных замечаний автору рекомендуется доработать статью, применив модель анализа принятия политических решений к современным государствам на примере избранного региона и направить ее на рецензии повторно.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает процесс принятия политических решений, а также соответствующая подсистема политической системы, в контексте которого протекает этот процесс. Автор справедливо связывает научную актуальность выбранной им темы с существующим разрывом между абстрактными академическими исследованиями проблемы принятия политических решений, и конкретными запросами заказчиков, более ориентированных на четкие и однозначно определённые ответы, касающиеся вопросов прикладной политики. В соответствии с этим пониманием ставится и цель исследования: разработать метод анализа процесса принятия решений в рамках политической системы (метод УАКР) и сформулировать систему индикаторов для оценки «ядра принятия политических решений». В качестве теоретико-методологической базы декларированы достаточно старые, но надёжные принципы и методы: функционализм Т. Парсонса, моделей политической системы Д. Истона и Г. Алмонда, методы циркуляционных контуров и детерминационной цепи. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны. Прежде всего, речь идёт о разработке методики УАКР (метода анализа процесса принятия решений в рамках политической системы), которая помимо научной ценности имеет также и достаточно высокую практическую значимость. Кроме того, научный интерес представляет авторская адаптация моделей политической системы Д. Истона и Г. Алмонда-Д. Пауэлла в контексте метода УАКР. Наконец, практическое значение имеет разработанная автором система индикаторов по методу УАКР, а также демонстрация его эвристического и прогностического потенциала. Вместе с тем при обзоре основных подходов к трактовке феномена политической системы автор упустил из виду весьма известные концепции К. Дойча и Ч. Эндрейна, а также то, что модель политической системы Г. Алмонда разрабатывалась им в соавторстве с Д. Пауэллом (о чём свидетельствует, в частности, ссылка номер 34 в библиографическом списке на совместную работу Г. Алмонда и Д. Пауэлла «Компаративная политика»).

В структурном плане работа также производит хорошее впечатление: её логика достаточно продумана и последовательна и репрезентирует основные аспекты проведённого исследования. В тексте статьи выделены следующие разделы: «1. Введение», в котором обосновывается актуальность научной проблемы, формулируется цель, объект и предмет исследования, а также использованная в процессе исследования методология; «2. Позиционирование исследователя-практика», где раскрываются такие аспекты его деятельности, как фактор заказчика и специфика организации прикладных исследований в России; «3. Обзор существующих моделей и

подходов к описанию процесса принятия политических решений, феномена политической системы, а также явлений режимной динамики и режимного транзита», где проводится обзор основных подходов к изучению процесса принятия политических решений, к трактовке феномена политической системы, а также системной динамики – политических режимов и режимных транзитов; четвёртый раздел (заголовок которого оказался по неясным причинам пропущен в тексте) посвящён собственно разработке метода УАКР: адаптации под эту задачу моделей политической системы Д. Истона и Г. Алмонда-Д. Пауэлла, в том числе проблем режимной динамики; построению модели содержимого ядра принятия политических решений как детерминационной цепочки «условия – акторы – конкуренция – реализация» (УАКР); разработке системы индикаторов по методу УАКР; пятый раздел «5. Применение метода УАКР» посвящён собственно демонстрации возможностей применения метода УАКР на примере Японии 2000–2015 гг.; наконец, заключительный раздел посвящён подведению итогов проведённого исследования, резюмированию полученных результатов и формулированию выводов.

С точки зрения стиля рецензируемая работа также не вызывает серьёзных нареканий: стиль статьи научный, текст написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 45 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и несмотря на некоторые погрешности, в достаточной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении основных подходов к исследованию феномена политической системы. К достоинствам статьи также можно отнести наличие четырёх рисунков, иллюстрирующих ключевые положения разрабатываемого метода УАКР.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты соответствуют тематике журнала «Право и политика» и будут представлять интерес для политологов, политических социологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.